

М. А. Энгельгардтъ.

Вредныя и благородныя расы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

М. А. Энгельгардтъ.

Вредныя и благородныя расы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

I.

До недавняго времени въ наукѣ, до настоящаго дня въ популярной литературѣ терминъ „раса“ болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой, игралъ и играетъ роль одного изъ тѣхъ словъ, которыя ставятся „wo die Begriffe fehlen“, „гдѣ не хватаетъ понятій“. Замѣчаетъ историкъ или публицистъ въ жизни народа какія-либо особенности, которыхъ онъ ничѣмъ объяснить не можетъ,—на помощь является „раса“, „свойства расы“. Объясненіе готово... правда, объясненіе дешеваго сорта, вродѣ старинныхъ объясненій непонятнаго явленія „игрою природы“, „ludus naturae“. Что, молъ, за причина такихъ-то и такихъ-то явленій? — „Игра природы“, „свойства расы“...

И наоборотъ: желаетъ пасквилянтъ надѣлать какой-нибудь народъ (напримѣръ, антисемитъ—евреевъ, нѣмецъ—славянъ и т. д.) несправимо-гнусными свойствами, онъ пускаетъ въ ходъ „расу“, влагая въ это слово представленіе о такихъ-то и такихъ-то порокахъ. Затѣмъ уже дѣйствительность подгоняется подъ эту измышленную пасквилянтомъ „игру природы“: такой то народъ *долженъ* быть никуда не годнымъ, и *не можетъ* быть инымъ, ибо это предписываютъ фатально его расовыя свойства. Съ дѣйствительностью при этомъ, конечно, расправляются совершенно безцеремонно.

На службѣ у памфлета и пасквиля слово „раса“, естественно, теряетъ уже всякое подобіе научной опредѣленности: въ немъ сливаются, безъ разбора, понятія о расѣ въ соб-

ственномъ смыслѣ слова, націи, народности, этнографической единицы...

Но въ области точной науки съ вопросомъ о расѣ обстоитъ значительно лучше. Понятіе расы, когда-то очень смутное, приобрѣло теперь опредѣленное содержаніе; изученіе существующихъ расъ, ихъ классификація и пр. значительно подвинулись впередъ. Можно надѣяться, что дальнѣйшія изслѣдованія приведутъ къ важнымъ и богатымъ результатамъ, когда антропология отдѣлается отъ нѣкоторыхъ грубыхъ ошибокъ и ложныхъ представленій, тяготящихся надъ нею въ настоящее время...

Пока это лишь надежды. „виды на будущее“: если же обратиться къ выводамъ современной „антропо-соціологін“ или „политической антропологін“, какъ они излагаются въ трудахъ Лапужа, Аммона, Вольмана и друг., — то придется признать ихъ совершенно несостоятельными. Все это большія постройки на маленькихъ фундаментахъ: при малѣйшемъ прикосновеніи трезвой критики онѣ разсыпаются, какъ карточный домикъ.

Число существующихъ расъ неизвѣстно: вѣрнѣе сказать, каждый изслѣдователь опредѣляетъ его различно даже для наилучше изслѣдованныхъ странъ, напр., Европы.

Взаимоотношенія между расами неизвѣстны: генеалогическія таблицы, предлагаемыя различными авторами, расходятся въ самыхъ существенныхъ пунктахъ.

Самые признаки расъ еще не установлены безспорно: одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ благородной „арійской“ расы (на ея предполагаемомъ превосходствѣ и ничтожествѣ остальныхъ расъ вертятся теоріи „политическихъ антропологовъ“) — „длинноголовость“ (долихоцефалія) — находится подъ сомнѣніемъ; по крайней мѣрѣ, работы Эльзэссера и Вальхера, съ одной стороны, Торека, съ другой, оспариваютъ постоянство и расовой характеръ этого признака. А если этотъ признакъ окажется негоднымъ для систематики, то различеніе арійскихъ элементовъ отъ неарійскихъ крайне затрудняется, и многіе выводы, основанные только на измѣ-

реніи череповъ, разомъ превращаются въ фантасмагорію. А вѣдь эти выводы связаны въ конечномъ итогѣ съ политическими рецептами далеко не безобиднаго свойства, насчетъ поощренія однихъ и ущемленія другихъ расъ...

Если мы сравнимъ классификаціи расъ Деникера, Риплея, бр. Саразинъ и проч., то найдемъ жестокою разнотолсицу. Почти не найдется расы, которую—даже ограничиваясь ея физическими или „соматическими“ признаками—можно было бы опредѣлить просто, не прибавляя къ характеристикѣ: „по Деникеру“, или „по Риплею“ etc.,—причемъ въ зависимости отъ этой прибавки и самая характеристика существенно измѣняется.

Но особенную путаницу въ этотъ вопросъ вноситъ неясность представленій о „расахъ“ и „подрасахъ“, о расахъ основныхъ и производныхъ, чистыхъ и смѣшанныхъ. Именно „политическіе антропологи“, типа Вольтмана или Лапужа, выступающіе съ совершенно опредѣленными, рѣзкими, законченными теоріями „годности“ или „негодности“ тѣхъ или другихъ расъ, особенно глухо и неясно, по возможности мимоходомъ, трактуютъ этотъ пунктъ, стараясь проскользнуть мимо затрудненія, которое легко можетъ оказаться подводнымъ камнемъ для всей теоріи. Здѣсь уже не только пробѣлы фактическаго изслѣдованія, но и неясность въ самихъ понятіяхъ.

До сихъ поръ остаются плохо разграниченными понятія о „метиси“ (метисѣ), т. е. продуктѣ скрещиванія двухъ расъ, соединяющемъ признаки обѣихъ, но не представляющемъ новой, самостоятельной расы (потомки метиса, въ зависимости отъ послѣдующихъ скрещиваній, возвращаются къ тому или другому изъ первоначальныхъ типовъ), и „смѣшанной расы“, представляющей уже новый, самостоятельный типъ, фиксированную комбинацію различныхъ признаковъ, болѣе или менѣе „константную“, т. е. передающуюся, какъ таковая, наслѣдственно, несмотря на скрещиванія.

Можно такъ формулировать вопросъ: данная нація—

французы, нѣмцы, англичане etc.—представляетъ ли смѣсь немногихъ опредѣленныхъ „чистыхъ“, „константныхъ“ расъ и помѣсей между этими „чистыми“ расами, не образующихъ новыхъ расъ, такъ что потомство этихъ помѣсей, при устраненіи извѣстныхъ скрещиваній, вернется къ тому или другому изъ родоначальныхъ типовъ?

Или данная нація представляетъ смѣсь множества чистыхъ и смѣшанныхъ расъ, при чемъ эти смѣшанныя расы, или „подрасы“ суть дѣйствительно расы: фиксированные, самостоятельные, „константные“ типы, которые во всякомъ случаѣ будутъ воспроизводиться въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ?

Въ первомъ случаѣ еще можно оперировать съ „расой“; во второмъ это становится довольно затруднительнымъ. Если мы даже установимъ типъ расы, то обращаясь къ дѣйствительности, быстро теряемъ его: народъ, о которомъ мы хотимъ высказать сужденіе, разсыпается на нашихъ глазахъ на множество расъ, о которыхъ общаго сужденія нельзя высказать.

Между тѣмъ, новѣйшія изслѣдованія, подтверждающія такъ называемый „законъ Менделя“ (о которомъ будетъ рѣчь ниже), говорятъ въ пользу второго воззрѣнія.

Приведу въ качествѣ иллюстраціи конкретный примѣръ изъ книжки Чамберлена „Евреи“ *). Это антисемитская брошюра, подсказанная, какъ и всѣ произведенія того же сорта, соображеніями, ничего общаго съ наукой не имѣющими. Злость пасквилянта проявляется въ такихъ, напримѣръ, глупыхъ выходкахъ, какъ заявленіе, будто возстаніе парижской коммуны было подстроено евреями **). Но авторъ старается елико возможно придать своимъ нападѣніямъ на евреевъ характеръ научнаго безпристрастія и мотивировать ихъ соображеніями, якобы вполне чуждыми ка-

*) Гаустонъ Стюартъ Чамберленъ. „Евреи, ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Европѣ“. Изд. четвертое. Спб. 1907, изд. А. С. Суворина.

**) Чамберленъ. стр. 22.

кимъ-либо неизменнымъ интересамъ и расчетамъ. Разумѣется, онъ пробуетъ использовать для своихъ цѣлей и современное ученіе о расахъ. Желательно ему доказать, что евреи представляютъ не только *національность*, какъ французы, нѣмцы и т. п., обладающую извѣстными общими чертами, созданными воспитаніемъ, традиціями etc., однако не послѣдственными, не органически присущими еврею, какъ таковому,—но и особую самостоятельную *расу*. Это ему нужно, чтобы надѣлнить затѣмъ іудейскую расу разнаго рода пороками, и благополучно добратся до желаннаго заключенія: еврей, какъ еврей, каковы бы ни были его индивидуальныя качества, каковы бы ни были условія его воспитанія, обладаетъ пороками и недостатками прирожденными, неистребимыми, послѣдственными, какъ черная кожа негра или узкіе глаза китайца, обусловленными структурой зародышевой клѣточки, изъ которой развивается еврей, и „мы, дѣйствительно, выше его въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ“ *). хотя бы эти „мы“ были продажными пасквилянтами или гнуснѣйшими громилами...

Мы еще будемъ говорить объ этихъ нелѣпыхъ попыткахъ связать съ опредѣленнымъ физическимъ типомъ расы опредѣленный типъ моральныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ. Это грубѣйшая изъ ошибокъ современной „политической антропологіи“, совершенно уничтожающая ея значеніе. Но пока ограничимся лишь вопросомъ о расѣ въ соматическомъ смыслѣ.

Антропологическія изслѣдованія говорятъ, что въ составъ еврейской національности вошли слѣдующія расы:

а) Аморей или амориты—рослые, бѣлокурые, свѣтлокожіе, голубоглазые, длинноголовые: *арійская* (она же „индо-германская“) раса **), представители которой составляютъ

*) Чамберленъ, стр. 14.

**) Нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ тождество арійцевъ и амореевъ, но въ такомъ случаѣ приходится спросить, что же такое арійцы? Типъ арійца установленъ на основаніи тѣхъ самыхъ признаковъ, которые мы находимъ у аморея: если эти признаки не доказываютъ принад-

значительную часть населенія Скандинавіи, Англіи, Сѣверной Германіи и гораздо меньшую Франціи, Швейцаріи, Южной Германіи;

б) Хеттен: — малорослые, смуглые, круглоголовые; настолько близкіе по типу къ смуглой европейской расѣ (*Homo alpinus*), составляющей главную часть населенія Франціи и средней Европы, что приходится отнести ихъ къ этому типу. Правда, Чамберлену этого не хочется и, признавая, что хеттей наиболѣе подходитъ къ типу *Homo alpinus*, онъ, однако, предпочитаетъ „называть его просто *Homo syriacus*, что значитъ—первобытный житель Сиріи, не входя въ дальнѣйшія разсужденія по этому вопросу“ *). „Не входя въ разсужденія“, можно надѣлать сколько угодно „расъ“: *Homo syriacus*, *h. mesopotamicus*, *h. galileicus* и т. д., пожалуй даже и самого Чамберлена можно причислить къ особой расѣ *Homo pasquillanticus*; но этотъ способъ очевидно слишкомъ „простъ“ и долженъ быть отвергнутъ. А оставаясь при разсужденіяхъ самого же Чамберлена, хеттея невозможно выдѣлить изъ расы *h. alpinus*;

с) Арабы (семиты): смуглые, длинноголовые **).

Итакъ, расовый составъ еврейской національности: аріицы, круглоголовые европейцы (*h. alpinus*), арабы и помѣси этихъ расъ. Въ настоящее время численныя отношенія между этими расами въ составѣ еврейской національности таковы: около 50% круглоголовыхъ, около 10% аріицевъ, около 5% арабовъ, остальное смѣшанныя формы (метисы).

Разъ это такъ, то, очевидно, нельзя говорить о еврейской расѣ, какъ нельзя говорить о расѣ французской, расѣ нѣмецкой и т. д. Съ точки зрѣнія, еще господствующей въ

лежности ихъ обладателя къ аріиской расѣ, то они не доказываютъ этого и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, иными словами, для установленія аріиской расы нѣтъ надежныхъ признаковъ.

*) Чамберленъ, стр. 64.

**) Есть основаніе думать, что арабы представляютъ результатъ смѣшенія аріицевъ и негровъ, фиксировавшійся въ самостоятельный типъ.

современной антропологии, которая признаетъ опредѣленность, константность и *единство*, паир., арийской расы, входящей въ составъ самыхъ разнообразныхъ европейскихъ и не европейскихъ націй, но всегда себѣ равной,—съ этой точки зрѣнія бѣлокурый, длинноголовый еврей и таковой же нѣмецъ ближе, „роднѣе“ по *расовымъ* свойствамъ, чѣмъ бѣлокурый еврей и еврей смуглый, короткоголовый. Очевидно, никакого общаго сужденія, въ такомъ случаѣ, о еврейской расѣ высказать нельзя, и всякія попытки что-нибудь построить на этомъ фундаментѣ падаютъ сами собою; а „іудейская раса“, которую Чамберленъ все-таки пускаетъ въ ходъ вопреки собственному анализу происхожденія евреевъ—безсодержательный терминъ, изобрѣтенный ad usum антисемитовъ.

Но, можетъ быть, правильнѣе другая точка зрѣнія. Можетъ быть, правильнѣе считать арийскую, арабскую, альпійскую разновидности евреевъ, равно какъ и нѣкоторыя смѣшанныя формы между ними—самостоятельными, фиксированными, константными расами, которыя, отличаясь между собою, отличаются и отъ соответственныхъ расъ, входящихъ въ составъ другихъ націй, какими-либо специфическими, наследственными признаками. Какъ въ мірѣ животныхъ и растений близкіе виды нерѣдко такъ различаются по внѣшности, что неопытный наблюдатель отнесетъ ихъ къ разнымъ семействамъ и, наоборотъ, совершенно различные виды внѣшне такъ сходны, что ихъ различія ускользаютъ отъ поверхностнаго наблюденія, такъ, можетъ быть, и въ составѣ рода человѣческаго имѣются расы, сходныя по извѣстнымъ общимъ признакамъ, но различныя по другимъ специфическимъ признакамъ, которыхъ не улавливаютъ слишкомъ еще грубые методы антропологическаго изслѣдованія...

Но если это подтвердится, то положенія, казавшіяся прочно установленными, теряютъ всякій фундаментъ. Если есть дѣйствительно „іудейская раса“, то есть, иными словами, если арийцы, арабы, круглоголовые (*h. alpinus*), входя-

ііе въ составъ евреевъ, оказываются самостоятельными расами, то вѣдь это значитъ, что единой арійской расы *не существуетъ*. То же разсужденіе приложимо ко всѣмъ національностямъ и единая арійская раса (также альпійская, семитическая и друг.) распадается на множество арійскихъ расъ или „подрасъ“, о которыхъ нельзя высказать общаго сужденія. И въ этомъ случаѣ, всякія попытки постронть что-либо на такомъ фундаментѣ падаютъ сами собою...

Впрочемъ, попытки постронть теорію „благородныхъ“ и „неблагородныхъ“ расъ падаютъ, во всякомъ случаѣ, хотя бы даже удалось внести точность, порядокъ и законченность въ изученіе соматическихъ расовыхъ признаковъ. Дѣло въ томъ, что эта теорія опирается на ошибку, въ сравненіи съ которой ничто всѣ протпворѣчія, неясности и путаница въ опредѣленіи соматическихъ расъ, ошибку настолько грубую и нелѣпую, что надо удивляться, какъ можетъ она держаться не только въ шовинистическихъ, націоналистическихъ, юдофобскихъ и проч. памфлетахъ и пасквиляхъ (тутъ чему же и быть?), но и въ книгахъ, претендующихъ на научную серьезность. Мы уже упоминали о ней: это стремленіе связать съ опредѣленнымъ соматическимъ типомъ опредѣленный типъ интеллектуальный и нравственный, съ опредѣленными физическими чертами—опредѣленные черты характера и ума.

Если даже мы признаемъ наслѣдственность психическихъ свойствъ, или, иными словами, фактъ существованія „моральныхъ“ и „интеллектуальныхъ“ расъ, то должны будемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что эти моральныя и интеллектуальныя расы не покрываются, не совпадаютъ съ расами соматическими, съ расами, устанавливаемыми современной антропологіей.

Можно указать рядъ „прирожденныхъ“, наслѣдственныхъ признаковъ, общихъ *всѣмъ* представителямъ арійской, негритянской и проч. расъ. Быть можетъ, наряду съ этими общими признаками, найдутся какія-нибудь специфическія, тоже врожденныя и наслѣдственныя свойства, которыя

заставятъ разбить данную расу на нѣсколько „подрасъ“, но во всякомъ случаѣ тѣ-то общія свойства, напр., черная кожа негра или свѣтлая аріійца существуютъ, какъ общія всѣмъ представителямъ данной расы. Но моральныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ, общихъ всѣмъ представителямъ данной расы, не существуетъ! Въ предѣлахъ одной и той же, самой „чистой“ расы мы найдемъ самые разнообразные и во всѣхъ отношеніяхъ противоположные моральные и интеллектуальные типы: добрыхъ и злыхъ, эгоистовъ и альтруистовъ, бездарныхъ и даровитыхъ, умныхъ и глупыхъ... Пока авторъ жонглируетъ общими фразами о „морально и интеллектуально высшей“ аріійской и „морально и интеллектуально низшихъ“ остальныхъ расахъ, дѣло идетъ туда-сюда. Но всякая попытка точной характеристики кончается самымъ плачевнымъ фіаско. Нельзя же дать такого опредѣленія: „всѣ аріійцы умны... кромѣ глупыхъ аріійцевъ, всѣ они даровиты... кромѣ бездарныхъ аріійцевъ“ и т. д. Это было бы все равно, что опредѣлять соматическій типъ: „всѣ аріійцы длинноголовы... кромѣ круглоголовыхъ аріійцевъ, всѣ они свѣтлокожи... кромѣ смуглыхъ аріійцевъ“ и т. д. Это значило бы по-просту заявить, что никакого аріійскаго типа не существуетъ, а стало-быть и говорить о немъ нельзя. Но въ отношеніи соматическихъ признаковъ это было бы невѣрно, а въ отношеніи моральныхъ и интеллектуальныхъ—такъ оно и есть: аріійскаго моральнаго, аріійскаго интеллектуальнаго типа попросту *не существуетъ*.

Эта невозможность связать съ опредѣленными соматическими признаками опредѣленные моральныя или интеллектуальныя свойства заставляетъ авторовъ или расплываться въ общихъ мѣстахъ *) или приводить ихъ къ курь-

*) Что мы и находимъ въ общихъ курсахъ и трактатахъ. Возьмите, напр., Деникера (*Deniker. Les races et les peuples de la terre. Paris. 1900*): описанію соматическихъ признаковъ посвящено около 100 страницъ—здѣсь мы находимъ опредѣленную классификацію, точныя характеристики и проч.; описаніе же „caractères psychologiques“, психологическихъ свойствъ, авторъ уместилъ на 2 страничкахъ, при чемъ даются характеристики

езнѣйшимъ противорѣчіямъ. Что можно выжать, напримѣръ, изъ слѣдующей характеристики еврейской расы, принадлежащей Ренану, и какъ она можетъ быть характеристикой *одной и той же* расы: „Объ этой расѣ можно сказать что угодно хорошее и что угодно дурное, не переставая говорить правду, такъ какъ, повторяемъ, добрый еврей превосходное существо, а злой еврей — существо отвратительное“ *). Оно такъ и есть, конечно, потому что это именно та характеристика, которая одна возможна въ отношеніи *каждой* расы (соматической). О каждой расѣ „можно сказать что угодно хорошее и что угодно дурное“, и въ каждой расѣ добрый представитель—превосходное существо, а злой—отвратительное. Такая характеристика есть отрицаніе теоріи „благородныхъ“ и „неблагородныхъ“ расъ.

Въ качествѣ образчика противорѣчій приведемъ примѣръ изъ цитированной уже книжки Чамберлена. Ни мало не гнушаясь обычными приѣмами юдофобовъ-пасквилянтовъ—голословными обвиненіями, образчикъ которыхъ мы уже видѣли; подборомъ отрицательныхъ явленій, случаевъ жестокости и т. п., изъ исторіи евреевъ, какъ будто такими явленіями не кишитъ исторія всѣхъ другихъ народовъ, племенъ и расъ; попытками умалить очевидныя и бьющія въ глаза заслуги евреевъ въ исторіи развитія человѣчества (напр., въ религій), и т. п.—авторъ, однако, какъ мы уже сказали, старается сохранить видимость научнаго безпристрастія и считается съ дѣйствительностью. А это не совсѣмъ безопасно... Дѣйствительность, при мало-мальски уважительномъ къ ней отношеніи, легко можетъ развѣять въ пыль навязываемая ей теоріи. Это и случилось съ нашимъ авторомъ, посвятившимъ цѣлый рядъ главъ попыткамъ доказать, что евреи представляютъ самостоятельную расу („еврейское племя теперь типъ постоянный“), хотя и происшедшую пу-

такого рода: расы американскія серьезны, важны, меланхоличны, расы негритянскія сангвиничны, веселы, живы... „но сколько исключеній изъ этого общаго правила!“,—тутъ же восклицаетъ авторъ.

*) E. Renan. l'Antechrist, p. 485—486.

темъ смѣшенія нѣсколькихъ расъ, но фиксировавшуюся въ новый своеобразный и „константный“ типъ. Эта раса, наряду съ извѣстными физическими признаками, характеризуется опредѣленными признаками психическими: бездарностью, неспособностью къ высшимъ проявленіямъ интеллектуальной дѣятельности, хищностью и проч., и проч. Этотъ отрицательный психическій типъ связанъ съ соматическимъ типомъ еврея, такъ что отдѣлаться отъ него нельзя: еврей можетъ получить какое угодно воспитаніе, образованіе, перейти въ какую угодно религію—всюду и всегда несетъ онъ съ собой отрицательныя свойства расы...

Но какъ же быть съ дѣйствительностью, которая даетъ намъ Лассалей и Марковъ, Гейне и Берне, Спипозъ, Мендельсоновъ, Антокольскихъ, Левитановъ и т. д.,—съ дѣйствительностью, которая сталкиваетъ насъ съ евреями высокихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ качествъ,—и такимъ образомъ опровергаетъ наглядно, *ad oculos* попытку доказать существованіе отрицательнаго психическаго типа, связаннаго съ извѣстнымъ соматическимъ типомъ. Чамберленъ не рѣшается расправиться съ нею такъ безцеремонно, какъ это дѣлаютъ грубые пасквилянты *) типа Дрюмоновъ и Дюринговъ, — въ результатѣ, дѣйствительность расправляется съ нимъ. Еще на стр. 236 „раса—вещь несомнѣнно незыблемая“ и „расы дѣйствительно бываютъ хорошія и дурныя“; но уже на стр. 238 оказывается, что раса, соб-

*) Образчикомъ можетъ служить, напр., Дюрингъ, бездарная брошюра котораго („Еврейскій вопросъ“) переведена на русскій языкъ. Это сплошная ругань, голословная, безъ всякаго подобія доказательствъ, типа нововременскихъ фельетоновъ. Въ число свойствъ еврейской расы авторъ рѣшилъ помѣстить бездарность. Но какъ поддержать такую нелѣпость? Да очень просто. Такъ какъ евреи бездарны, то, очевидно, въ области философіи Спиноза—ничто, въ области политической экономіи Рикардо, Марксъ, Лассаль — пустые брахуны, въ литературѣ Гейне, Лессингъ, Берне—жалкіе писаки, въ музыкѣ Мендельсонъ, Мейерберъ—барабанщики, и т. д. Подобные пасквили, впрочемъ, въ виду ихъ откровенной глупости, быть можетъ, не такъ вредны, какъ якобы научные памфлеты à la Чамберленъ.

ственно говоря, ничего не значить. Все дѣло въ религіи, „навязанной іудеямъ послѣ вавилонскаго плѣненія иѣсколькими священниками и книжниками“. „Нѣтъ надобности обладать типичнымъ хеттѣйскимъ носомъ, чтобы быть „іудеємъ“: слово это прежде всего указываетъ на извѣстное направленіе чувства и мысли“ (не связанное, стало быть, съ соматическими признаками). „Не будучи евреємъ, человѣкъ можетъ очень быстро обратиться въ іудея; есть люди, которымъ для этого достаточно свести знакомство съ евреями... Съ другой стороны, лишено всякаго смысла считать іудеємъ чистокровнаго еврея, которому удалось сбросить съ себя оковы Ездры и Нееміи, въ умѣ котораго нѣтъ больше мѣста для Моисеева закона, а въ сердцѣ—презрѣнію къ другимъ народамъ... гуманизированный еврей уже не іудей... мы должны научиться раздѣлять взглядъ апостола Павла, говорящаго, что не тотъ іудей, кто по наружности своей еврей, а тотъ, кто іудей въ душѣ“ *).

Не касаясь вопроса о томъ, чего стоятъ размышленія Чамберлэна о „навязанной“ іудеямъ религіи и ея вліяніи на умъ и характеръ евреевъ, — легко видѣть, что ими уничтожается вся постройка „іудейской расы“, одаренной специфическими, расовыми, моральными и интеллектуальными свойствами. Между тѣмъ, этой постройкѣ посвящена почти вся книжка. Стоило совѣщаться съ антропологами, углубляться въ дебри историческихъ изысканій, стараясь доказать существованіе „морально и интеллектуально-нижней“ еврейской расы,—чтобы заявить въ концѣ книжки, что это, собственно, призракъ, что, если можно говорить объ іудейской расѣ въ соматическомъ смыслѣ, то нельзя говорить объ іудейской расѣ въ смыслѣ моральномъ и интеллектуальномъ, такъ какъ она, какъ и всякая другая раса, заключается въ своихъ предѣлахъ самые разнообразные моральные и интеллектуальные типы.

Къ такому же самоуничтоженію приводятъ всѣ попытки

*) Чамберлэнъ, с. 238—239.

выдѣлить и установить „благородныя“ и „неблагородныя“ расы. Мы увидимъ это, разсмотрѣвъ теорію благородства аріійской расы, но сначала нужно точнѣе опредѣлить самое понятіе расы.

II.

Понятіе о расѣ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ понятіями о наслѣдственныхъ „прирожденныхъ“ и ненаслѣдственныхъ „пріобрѣтенныхъ“ признакахъ. Черная кожа негра—прирожденный признакъ, она обусловлена свойствами зародышевой клѣточки, изъ которой развивается негръ, и гдѣ бы, въ какихъ бы условіяхъ, въ какомъ бы климатѣ онъ ни родился, онъ родится чернымъ. Это признакъ расы. Загорѣвшая кожа европейца, поселившагося подъ тропиками—пріобрѣтенный признакъ, не обусловленный зародышевой плазмой, изъ которой развился данный индивидуумъ, и не затрагивающій его зародышевой плазмы, а потому и не наслѣдственный, не передающійся его ребенку. Это не расовый признакъ—и не способный стать расовымъ.

Новыя расы возникаютъ вслѣдствіе измѣненія зародышевой плазмы подъ вліяніемъ причинъ, которыя при современномъ состояніи науки приходится признавать неизвѣстными. Существуетъ раса, съ опредѣленными, константными признаками, передающимися изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но вотъ, въ одномъ изъ поколѣній дѣти оказываются несходными съ родителями и предками, появляется одна или нѣсколько формъ новыхъ, съ новыми признаками. Зародышевая плазма предыдущаго, родительскаго поколѣнія измѣнилась, и изъ нея развилась новая раса или „мутация“ (по терминологіи де-Фриза).

Эти новыя свойства не имѣютъ видимой, уловимой связи съ виѣшними условіями и вліяніями, дѣйствовавшими на предыдущія поколѣнія, ни съ „пріобрѣтенными“ предыдущимъ поколѣніемъ подъ вліяніемъ виѣшнихъ условій, воспитанія и проч. свойствами. Напротивъ, „пріобрѣтенные“

признаки, т. е. признаки, не переданные индивидууму въ зародышевой плазмѣ, а пріобрѣтенные имъ въ теченіе его индивидуальной жизни, не наслѣдственны. Бѣлокожія расы, поселившіяся въ Африкѣ тысячи лѣтъ тому назадъ (ихъ описанія и изображенія сохранились въ древнихъ египетскихъ памятникахъ), остаются и понынѣ бѣлокожими, — вопреки старому, наивному воззрѣнію, которое допускало постепенное превращеніе свѣтлой расы въ черную дѣйствіемъ солнечныхъ лучей изъ поколѣнія въ поколѣніе. Первое поколѣніе загорѣло и передало этотъ признакъ своимъ дѣтямъ по наслѣдству: то-есть они уже родились съ болѣе темной кожей. Загорѣли еще сильнѣе, и своимъ дѣтямъ передали наслѣдственно еще болѣе темную кожу. Эти загорѣли еще сильнѣе и т. д., и т. д., пока бѣлая раса не превратится въ черную. До сихъ поръ это и аналогичныя ему воззрѣнія высказываются въ популярной литературѣ, но научное изслѣдованіе отвергаетъ ихъ.

Тысячи лѣтъ прокалываютъ уши дѣтямъ для ношенія серегъ, но дѣти продолжаютъ родиться съ непроколотыми ушами; тысячи лѣтъ практикуется обрѣзаніе надъ евреями, но и теперь его приходится практиковать заново надъ каждымъ поколѣніемъ, и т. д.

Пріобрѣтенные признаки не передаются наслѣдственно, хотя бы они были общи цѣлой группѣ. Такъ, *національныя* особенности не проявляются у ребенка, если онъ родился за-границей и воспитался подъ вліяніемъ новой національной среды. Даже при переселеніи цѣлыхъ массъ національныя особенности легко исчезаютъ; классическій образчикъ— С. Штаты: переселявшіеся туда нѣмцы, англичане, французы и проч. неизмѣнно утрачивали свои національныя особенности и образовали новую націю. По *расовыя* свойства ихъ оставались неизмѣнными, и въ составъ населенія С. Штатовъ входятъ тѣ же расы, что и въ составъ европейскаго населенія.

Итакъ, расовый признакъ есть признакъ „прирожденный“, т. е. обусловленный свойствами зародышевой плазмы,

и „наслѣдственный“, т. е. передающійся отъ зародышевой плазмы одного поколѣнія къ зародышевой плазмѣ другого поколѣнія, и т. д.

Это признакъ независимый отъ внѣшнихъ условій, климата, среды, обстановки, воспитанія etc.,—въ томъ смыслѣ независимый, что разъ онъ существуетъ въ зародышевой плазмѣ, то проявится вездѣ, при всякихъ условіяхъ. Негръ во всѣхъ климатахъ будетъ родиться чернымъ, и, сколько бы поколѣній негровъ ни смѣнилось въ умѣренной странѣ, они будутъ родить черныхъ дѣтей.

Это признакъ неизмѣнный,—въ томъ смыслѣ, что внѣшнія воздѣйствія на его обладателей не могутъ ни уничтожить, ни измѣнить его, и онъ будетъ проявляться у послѣдующихъ поколѣній, сколько бы ни длилось вліяніе внѣшнихъ условій. Расы *вымираютъ* въ борьбѣ съ другими расами (старыми или вновь возникающими); но не *измѣняются*. То, что называютъ измѣненіемъ или „превращеніемъ“ вида есть въ дѣйствительности вымирание однихъ, выживание другихъ расовыхъ элементовъ, обладающихъ прирожденными наслѣдственными специфическими признаками. Но въ обиходной рѣчи нерѣдко придаютъ слову „превращеніе“ вида совершенно иной смыслъ: цѣлое поколѣніе измѣняется слегка подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, слѣдующее получаетъ это „пріобрѣтенное“ первымъ измѣненіе уже по наслѣдству, отъ рожденія, и слегка усиливаетъ его въ томъ же направленіи, и т. д.

Такимъ образомъ пріобрѣтенные признаки, передаваясь по наслѣдству, вытѣсняють или измѣняютъ прирожденные. Это старое Ламарковское воззрѣніе приходится теперь, послѣ спора вейсманистовъ съ ламаркистами, отвергнуть.

Мы не можемъ входить въ детали этого спора и въ разсмотрѣніе гипотезъ—такъ какъ на этотъ счетъ имѣются пока только гипотезы—о причинахъ возникновенія новыхъ расъ, и должны ограничиться этими немногими замѣчаніями.

Но очень важно, чтобы читатель вполне отчетливо пред-

ставлялъ себѣ разницу между „прирожденнымъ“ и „приобрѣтеннымъ“ признакомъ, въ научномъ значеніи этихъ терминовъ. Поэтому, я приведу для поясненія слѣдующій примѣръ:

Два экземпляра растенія одного и того же вида выросли: экземпляръ *a* на сухой, песчаной почвѣ на голомъ холмѣ, не защищенномъ отъ солнца; экземпляръ *b* въ лѣсной ложинѣ, въ тѣни, на влажной илистой почвѣ.

Первый—малорослый, приземистый, съ небольшими, толстыми, темнозелеными листьями, тѣсно сближенными, такъ что производятъ впечатлѣніе розетки, усыянный волосками, такъ что кажется мохнатымъ, съ яркими цвѣтами, собранными въ плотную головку.

Второй — высокій, раскидистый, съ крупными, блѣдно-зелеными, разсыянными по стеблю листьями, почти гладкій, съ блѣдными, почти бѣлыми цвѣтками, собранными въ рыхлое соцветіе.

Неопытный, начинающій ботаникъ приметъ ихъ за два разные вида. Но посѣйте сѣмена экземпляра *a* въ условіяхъ мѣстообитанія *b*,—изъ нихъ вырастутъ экземпляры *b*; посѣйте сѣмена экземпляра *b* въ условіяхъ мѣстообитанія *a*,—изъ нихъ вырастутъ *a*. Посѣйте сѣмена *a* и *b* въ одинаковыхъ условіяхъ,—изъ нихъ вырастутъ одинаковые экземпляры, между которыми вы не замѣтите рѣзкихъ, опредѣленныхъ различій.

Различія между *a* и *b* — признаки, *приобрѣтенные* подѣ влияніемъ внѣшнихъ условій, не опредѣляемые свойствами зародышевой плазмы, изъ которой развились *a* и *b*, и не сообщающіеся ихъ зародышевымъ клѣткамъ.

Всякій сѣмяноводъ знаетъ, что такія „Standortsmodificatioen“ не могутъ служить матеріаломъ для полученія новыхъ породъ.

Наоборотъ, есть виды, напр. два вида красной глухой крапивки, которые начинающій не отличить другъ отъ друга. Только при детальномъ изученіи онъ видитъ маленькія различія въ строеніи цвѣтка и друг. Но эти отличі-

тельные признаки окажутся на-лицо всегда, при всякихъ условіяхъ мѣстообитанія, культуры и проч. Это признаки „прирожденные“, обусловленные структурой зародышевой плазмы.

Прирожденный и наслѣдственный признакъ—это и есть признакъ расовый.

Антропология различаетъ въ составѣ челоувѣчества рядъ типовъ, расъ, характеризующихся опредѣленными наслѣдственными природными признаками.

Раса не совпадаетъ съ національностью; въ составъ одной и той же націи входятъ различныя расы, и, наоборотъ: одна и та же раса входитъ въ составъ различныхъ націй.

Смуглые, черноволосые, черноглазые, круглоголовые, низкорослые: французъ, нѣмецъ, англичанинъ, еврей, русскій — одна и та же раса (*Pomo alpinus*), — это „братья по крови“, хотя чужаки по національности. Бѣлокурые, бѣлокожіе, свѣтлоглазые, длинноголовые, рослые: французъ, нѣмецъ, англичанинъ, еврей, русскій — опять-таки одна и та же раса (*Pomo europaeus*), „братья по крови“, чужаки только по національности.

Между собою тотъ и другой рядъ (смуглый и свѣтлый)—чужды „по крови“, хотя бы принадлежали къ одной и той же національности.

Представители „чистыхъ“ расъ, безъ всякихъ признаковъ смѣшенія съ другими расами, составляютъ незначительное меньшинство въ каждой націи *). Большинство—смѣшанные типы съ болѣе или менѣе сильнымъ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ расовыхъ чертъ.

Мы уже говорили о неясностяхъ, противорѣчіяхъ, путаницѣ въ отношеніи генеалогіи расъ, ихъ классификаціи, ихъ числа, самой характеристики ихъ, о разногласіяхъ на-

*) Напр., въ Баденѣ Аммонъ считаетъ 1,3% чистыхъ арійцевъ, 0,6% чистыхъ альпійцевъ и 98% метисовъ, съ оговоркою, что и 2% «чистыхъ», вѣроятно, не безъ примѣси чуждой крови. (*Ammon. Die Natürliche Auslese beim Menschen*).

счетъ „главныхъ“ и „производныхъ“ расъ, или „расъ“ и „подрасъ“ и т. п. Быть можетъ, вопросъ этотъ еще сложнѣе, чѣмъ кажется. Между различными человѣческими расами постоянно происходило и происходитъ смѣшеніе, скрещиваніе.

По недавно еще господствовавшему воззрѣнію біологовъ, скрещиваніе, вообще говоря, не даетъ новыхъ константныхъ формъ, которыя могли бы считаться самостоятельными расами; такія формы образуются лишь рѣдко и случайно. Получаются лишь метисы, смѣшанныя формы, непрочныя и непостоянныя, быстро возвращающіяся къ родоначальнымъ типамъ. Поэтому, зоотехнія и растениеводство не могутъ возлагать особыхъ надеждъ на гибридизацію и метизацію, какъ на источникъ полученія новыхъ константныхъ породъ животныхъ и растений.

Но еще въ шестидесятыхъ годахъ Іог. Мендель, производя опыты гибридизаціи растений, убѣдился, что только часть потомства, происшедшаго отъ скрещиванія двухъ расъ, возвращается къ родоначальнымъ типамъ, часть же образуетъ новую, постоянную и прочную форму. Въ свое время работы Менделя остались незамѣченными, но въ началѣ 1900-хъ годовъ работы де-Фриза, Корренса, Чермака и другихъ, пришедшихъ къ аналогичнымъ результатамъ, вывели ихъ изъ забвенія. Не входя въ детали вопроса, который теперь дѣятельно разрабатывается біологами, замѣтимъ, что въ самой общей формѣ „законъ Менделя“ можно передать такъ: скрещиваніе двухъ расъ всегда даетъ въ потомствѣ извѣстное количество формъ константныхъ, фиксированныхъ, прочно передающихся по наслѣдству. Двѣ зародышевыя плазмы, смѣшиваясь, даютъ въ этомъ случаѣ новую постоянную комбинацію признаковъ. Возможно, что она не представляетъ простого сочетанія признаковъ двухъ (или больше) расъ: смѣшеніе плазмъ служитъ толчкомъ къ ихъ измѣненію, и новыя константныя формы могутъ отличаться отъ старыхъ не только новыми комбинаціями, но и отсутствіемъ однихъ, присутствіемъ другихъ специфическихъ свойствъ.

Такъ какъ въ человѣчествѣ смѣшеніе расъ происходило съ незапамятныхъ временъ, то оно *должно* было привести къ образованію множества смѣшанныхъ, но константныхъ расъ, специфическія отличія которыхъ еще не поддаются антропологическому изслѣдованію.

За всѣми этими оговорками, остается однако несомнѣннымъ фактъ существованія различныхъ расъ, характеризующихся опредѣленными наслѣдственными, „прирожденными“ признаками.

* * *

Изъ нихъ особой благосклонности антропологовъ удостоилась уже часто упоминавшаяся нами *арійская* раса: бѣлокурый европейскій долихоцефаль (черепной показатель не выше 80, то есть отношеніе ширины къ длинѣ черепа не болѣе 80:100). Ея родиной считалась прежде Азія (Иранское плоскогорье); теперь эта теорія совершенно оставлена, и арійцевъ выводятъ изъ Европы... откуда то изъ Европы, такъ какъ болѣе точнаго указанія дать невозможно *).

Изъ своей родины арійцы еще въ „запамятные времена“ начали распространяться по всѣмъ румбамъ компаса и мало по малу захватили весь земной шаръ. Они всюду явились — будто бы: такъ говорятъ „политическіе антропологи“ — завоевателями и цивилизаторами, носителями высшихъ элементовъ культуры, творцами науки, искусства, литературы, новыхъ политическихъ и социальныхъ формъ. Изслѣдованія антропологовъ и археологовъ обнаруживаютъ примѣсы арійской расы у всѣхъ почти древнихъ и новыхъ народовъ: египтянъ, ассирійянъ и вавилонянъ, китайцевъ, въ Америкѣ (старая культура Перу), Полинезій и проч. И вездѣ — такъ утверждаетъ современная школа „политическихъ антропологовъ“ или „антропо-соціологовъ“, главами которой явля-

*) Вильзеръ выводитъ арійцевъ изъ Скандинавіи; Латамъ изъ Литвы; Гейгеръ изъ Германіи; Лапужъ изъ исчезнувшей (затопленной моремъ) „земли Латама“; Косинна съ побережья Балтійскаго моря, и т. д.

ются Лапужъ и Аммонъ *)—ведѣ именно они, аріійцы, явились творцами культуры; такъ что аріійской расѣ принадлежитъ честь созданія не только античной и современной европейской, но и всѣхъ древнихъ культуръ: семитическихъ, египетской, китайской и друг.

Дѣло въ томъ, что это раса „высшая“ морально и интеллектуально, единственная способная двигать впередъ чело-вѣчество, не въ примѣръ прочимъ „низшимъ“ расамъ. Свойства этой расы: смѣлость и великодушіе, способность подчинять личный интересъ общему дѣлу, духъ инициативы, даровитость во всѣхъ областяхъ высшей духовной дѣятельности. Это ея *расовыя* свойства, присущія ей такъ же, какъ длинный черепъ, свѣтлая кожа, прямой носъ, голубые глаза и проч.

Въ противоположность ей, другія расы робки, личный интересъ ставятъ выше всякихъ общественныхъ требованій, косны, неспособны отрѣшиться отъ рутины, бездарны: это тоже ихъ *расовыя* свойства.

Какъ душистой фіалкѣ (*Viola odorata*) присущъ аромат: это одно изъ ея видовыхъ свойствъ, которое проявляется при всякихъ условіяхъ культуры; а собачья фіалка (*Viola canina*) лишена аромата, и никакія условія культуры не вызываютъ его у ней,—такъ аріійской расѣ присущъ творческій даръ, котораго остальные расы лишены.

Но съ аріійской расой съ незапамятныхъ временъ происходитъ прескверная исторія: она вымираетъ, вытѣсняется низшими расами. Она завоевываетъ ихъ, цивилизуетъ, создаетъ культуру въ ея высшихъ проявленіяхъ: наукѣ, искусствѣ, литературѣ, социальномъ и политическомъ творчествѣ. Но съ теченіемъ времени представители низшихъ, покоренныхъ и поработанныхъ расъ, неспособные къ творчеству, косные, тупоголовые, бездарные, но зато надѣленные цѣп-

*) *G. Vacher de Lapouge. Les sélections sociales*, Paris, 1896, и *L'arien, son rôle social*, Paris, 1899; *Otto Ammon, Die Natürliche Auslese beim Menschen; Die Gesellschaftsordnung*, и друг.; *Вольфманъ, Политическая антропология*, перев. Оршанскаго, Спб. 1906.

костью, упорствомъ, терпѣніемъ, огромной способностью пассивнаго сопротивленія и приспособленія, да вдобавокъ еще сильной плодовитостью низшихъ организмовъ,—по-маленьку берутъ верхъ надъ завоевателями, вытѣсняютъ ихъ въ борьбѣ за первыя мѣста, происходящей внутри общества, протискиваются въ верхніе слои—такъ что въ концѣ концовъ даровитые („эвгеническіе“) элементы исчезаютъ въ силу вымиранія или скрещиванія съ низшими расами.

Результатомъ этого исчезновенія чистой аріійской расы является застой, мертвечина, окоченѣніе и мумификація культуры. Нація застываетъ въ неподвижности или завоевывается какой-нибудь другой націей, не оскудѣвшей еще аріійскими элементами,—завоевывается, такъ какъ ея упадокъ не только интеллектуальный, но и моральный: не осталось въ ней элементовъ мужественныхъ, самоотверженныхъ, способныхъ бороться за свободу и независимость родины.

Такъ зачоченѣли или погибли древнія культуры: китайская, индійская, семитическая, египетская, персидская, античныя,—та же участь предстонтъ и европейскимъ; такъ какъ и въ Европѣ аріійская раса вымираетъ: измѣренія череповъ въ древнихъ могилахъ разныхъ эпохъ показываютъ, что относительное количество длинноголовыхъ во всѣхъ европейскихъ странахъ (въ томъ числѣ и въ Россіи) изъ вѣка въ вѣкъ убываетъ: долихоцефалы постепенно вытѣсняются брахицефалами.

Лапужъ, послѣдовательный въ своихъ пессимистическихъ выводахъ, ставитъ крестъ на Франціи, въ которой аріійцы составляютъ уже не болѣе 4⁰/₁₀₀ населенія, и предвидитъ духовную смерть человѣчества. „Будущее принадлежитъ не лучшимъ, а, самое большее, посредственностямъ“. Азіатчина водворится по всей землѣ, исторія остановитъ свое теченіе; человѣчество будетъ не развиваться, а разлагаться вслѣдствіе окончательнаго вымиранія „эвгенической“ аріійской расы.

Сдѣлаемъ небольшое отступленіе. Сама по себѣ мысль о вымираніи лучшихъ элементовъ, людей моральной и интел-

лектуальной инициативы, не представляет ничего фантастического. Условия социального подбора были и остаются неблагоприятными для интеллектуально и морально высших людей. Они благоприятствуют хищникам и эгоистам с одной стороны, цѣпкой посредственности, „дѣловым“, практической складки людям с другой. Весьма возможно, что этимъ вымираніемъ лучшихъ объясняется мумификація или гибель всѣхъ древнихъ культуръ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что тотъ же процессъ приведетъ къ тому же финалу современныя европейскія культуры. Но этотъ процессъ скрытъ отъ нашего наблюденія другимъ, совершающимся одновременно и параллельно. Именно, развитіе чело-вѣчества и каждой отдѣльной націи, представляетъ:

1) процессъ *коллективной эволюціи*, въ силу накопленія знаній, опытовъ etc., наращиваемыхъ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ, которое получаетъ готовымъ результатъ усилій предыдущихъ поколѣній и увеличиваетъ его, не начиная всякій разъ сначала. Этимъ процессомъ, который Вольтманъ *) называетъ „соціальнымъ унаслѣдованіемъ“, опредѣляются успѣхи культуры. т. е. прогрессъ. Но этотъ процессъ не измѣняетъ состава націи, не измѣняетъ свойствъ людей. Результаты воспитанія, соціальной среды и проч., какъ признаки „пріобрѣтенные“, не передаются наслѣдственно, и каждымъ поколѣніемъ пріобрѣтаются наново. Но развитіе націи представляетъ въ то же время.

2) процессъ *эволюціи путемъ подбора*: изъ поколѣнія въ поколѣніе элементы, не умѣющіе приспособляться, гибнутъ; элементы, одаренные способностью къ приспособленію, выживаютъ и размножаются; и составъ націи непрерывно, хотя и медленно, измѣняется. Въ какую сторону? Всѣ наблюденія надъ условіями социального подбора говорятъ намъ о вымираніи „лучшихъ“, т. е. людей моральной и интеллектуальной инициативы. Пока они еще остаются въ составѣ

*) Вольтманъ. Политическая антропология, изд. Поповой, с. 141 и слѣд.

націи, она движется впередъ въ силу коллективной эволюціи: мы видимъ этотъ процессъ и говоримъ о прогрессивномъ развитіи націи, не замѣчая тутъ же дѣйствующаго процесса регрессивнаго развитія, медленнаго выпалыванія лучшихъ. Но когда эти послѣдніе исчезаютъ совсѣмъ, развитіе останавливается: нѣтъ достаточно мощныхъ морально и интеллектуально людей, чтобы выдвигать новые идеалы, проявлять творчество въ высшихъ областяхъ духовной дѣятельности.

Весьма возможно, что именно въ этомъ и заключается секретъ гибели древнихъ культуръ; но эти „лучшіе“, во всякомъ случаѣ, не имѣютъ никакого отношенія къ расамъ въ смыслѣ современной антропологіи, и въ частности къ арійской расѣ. Посмотримъ, на чемъ основывается мнѣніе о ея превосходствѣ и творческой роли.

* * *

Мнѣніе о превосходствѣ арійской расы высказывалось давно. Но старая теорія осповывалась на недоразумѣніи. Арійскую *расу* отождествляли съ *народами*: индусами, персами, греками и римлянами, современными европейскими націями. Роль этихъ народовъ въ исторіи культуры заставляла приписывать арійцамъ особую даровитость.

Но мы знаемъ теперь, что арійская раса входила и входитъ въ составъ этихъ народовъ лишь какъ одинъ изъ элементовъ, притомъ не особенно значительный. Всѣ они представляли и представляютъ смѣсь различныхъ расъ, и нужно разобратъ, какому же изъ этихъ расовыхъ элементовъ принадлежитъ творческая культурная роль—если опа, дѣйствительно, принадлежитъ какой-нибудь *одной* расѣ.

По старой памяти политическіе антропологи приписываютъ эту роль арійскому элементу. Разсмотримъ ихъ аргументы.

Мы начнемъ съ наиболѣе солиднаго доказательства, которое собственно и послужило фундаментомъ современной „политической антропологіи“. Это антропологическія изслѣдованія Лапужа, Аммона, Ганзена и др. надъ современнымъ

европейскимъ населеніемъ. Они установили слѣдующіе факты или „законы“, какъ называть ихъ Лапужъ:

а) наиболѣе богатая часть населенія европейскихъ странъ отличается отъ наиболѣе бѣдной длинноголовостью: средній черепной показатель богатаго населенія ниже, чѣмъ бѣднаго;

б) крупные города, промышленные и культурные центры размѣщаются въ областяхъ, изобилующихъ длинноголовыми элементами.

Эти два факта еще ничего не говорятъ въ пользу превосходства длинноголовой (арійской) расы *), такъ какъ она явилась въ Европѣ завоевателемъ, и, естественно, вошла въ составъ господствующихъ, т. е. богатыхъ классовъ и сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ промышленныхъ и удобныхъ для культуры областяхъ. Но слѣдующіе факты какъ будто подтверждаютъ теорію Лапужа и проч.:

с) эмигрирующая часть населенія, уходящая изъ деревень въ города или за-границу—часть болѣе подвижная, предпримчивая, энергичная—отличается большей длинноголовостью, чѣмъ остающаяся;

д) прогрессивная часть населенія отличается отъ консервативной длинноголовостью: длинноголовые округа посылаютъ либеральныхъ и радикальныхъ депутатовъ, короткоголовые консервативныхъ (изслѣдованія Ганзена въ Даніи, Швеціи и Норвегіи);

е) часть населенія, склонная къ религіознымъ рефор-

*) При этихъ изслѣдованіяхъ принимаются въ расчетъ и другіе признаки расы, но далеко не всегда: затруднительность и мѣшкотность полнаго антропологическаго изслѣдованія часто заставляеть ограничиваться измѣреніями черепа. Для сѣверной и ср. Европы, гдѣ населеніе представляетъ смѣсь длинноголовой арійской съ короткоголовыми расами, эти измѣренія даютъ надежное основаніе... если, конечно, самъ признакъ (долихоцефалія) надеженъ. Мы уже упоминали, что нѣкоторые изслѣдователи отрицають его значеніе. Но мы принимаемъ господствующее мнѣніе, допускаемъ, что данныя изслѣдованій „политическихъ антропологовъ“ достаточно точны и надежны, и посмотримъ, доказываютъ ли они, все-таки, превосходство арійской расы.

мамъ, отличается длинноголовостью. Короткоголовые-католики, длинноголовые - протестанты. Въ короткоголовыхъ округахъ Норвегіи населеніе вдвое-втрое меньше жертвуетъ на религіозныя нужды, чѣмъ въ длинноголовыхъ (Ганзенъ). Воспитанники свѣтскихъ школъ отличаются большей длинноголовостью отъ воспитанниковъ религіозныхъ училищъ;

f) городское населеніе, болѣе предприимчивое и интеллигентное, чѣмъ сельское, отличается отъ послѣдняго длинноголовостью.

Къ этому нункту сводятся, въ сущности, и два предыдущіе: насчетъ прогрессивности и свободомыслія, такъ какъ огносятся именно къ городскимъ округамъ. Что городское населеніе прогрессивнѣе деревенскаго—фактъ давно извѣстный; ново лишь то, что это различіе, повидимому, совпадаетъ съ разницей черепного показателя.

Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что здѣсь дѣло идетъ лишь объ *относительной* разницѣ. Городское населеніе отнюдь не противустоитъ деревенскому, какъ типичные долихоцефалы типичнымъ брахицефаламъ, какъ чистая арійская раса чистой альпійской. Средній черепной показатель у перваго *нѣсколько ниже*, чѣмъ у второго *); это разница *смѣшаннаго* населенія отъ болѣе чистаго.

Что въ городахъ населеніе болѣе смѣшанное—это весьма естественно и понятно: въ города стекаются отовсюду люди всѣхъ классовъ. Въ то же время городскія условія жизни болѣе возбуждаютъ интеллектъ, шевелятъ мозги; этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, и объясняется большая прогрессивность горожанъ. Въ такомъ случаѣ со-

*) Разница, напр., такая (во Франціи): у горожанъ 84,1, у селянъ 85,8; у горожанъ 82,2, у селянъ 83,4 и т. д.—тѣ и другіе показатели брахицефалическихъ череповъ, но у горожанъ они менѣе рѣзко выражены, т. е. черепа болѣе *смѣшаннаго типа*. Ср. также у Аммона, Nat. Auslese §§ 121, 125, 126, 128, изъ которыхъ видно, что здѣсь дѣло идетъ о разницѣ между болѣе смѣшаннымъ и менѣе смѣшаннымъ, а не о разницѣ между длинно-и круглоголовымъ типами.

впаденіе относительной длинноголовости и большей прогрессивности городского населенія является случайнымъ. Большая длинноголовость—результатъ смѣшенія, большая прогрессивность—результатъ условій жизни; два эти факта, независимые другъ отъ друга, являются одновременно: отсюда впечатлѣніе причинной связи между ними.

Характерно, что самъ Аммонъ очень близко подходитъ къ этому объясненію. При усыпляющихъ условіяхъ деревенской жизни, говоритъ онъ, психическія способности остаются въ скрытомъ, покоящемся состояніи („latente“ или „ruhende seelische Anlagen“); при возбуждающихъ условіяхъ жизни городской онѣ переходятъ въ активное, дѣятельное состояніе *). Стало быть, превосходство городского населенія надъ сельскимъ обусловлено вліяніемъ среды, внѣшнихъ условій, т. е. это признакъ „приобрѣтенный“, а не „расовый“. Между тѣмъ, на превосходствѣ городского населенія построена теорія превосходства *расы* (арійской)!

Вліяніе среды не исключаетъ, конечно, другихъ вліяній. Многія данныя говорятъ за то, что смѣшеніе расъ—благопріятный моментъ для интеллектуальной дѣятельности, что „чистокровность“ полезное свойство для жеребца, но вредное для человѣка. И весьма возможно, что изслѣдованія, о которыхъ идетъ рѣчь, представляютъ лишній аргументъ въ пользу этого положенія; но ничего не говорятъ они въ пользу „благородной арійской расы“;

Г) наиболѣе интеллигентная, просвѣщенная и культурная часть населенія... Но тутъ теорія встрѣчаетъ рѣзкое противорѣчіе. Оказывается, что наиболѣе интеллигентная часть населенія обладаетъ брахи- или мезо-цефалическимъ черепнымъ показателемъ, а не долихоцефалическимъ, т. е. не принадлежитъ къ арійской расѣ! Чтобы выпутаться изъ этого затрудненія, пришлось даже изобрѣсти особую категорію „ложныхъ брахицефаловъ“ или „эврицефаловъ“: у нихъ длинна черепа, абсолютно, больше, чѣмъ у брахицефаловъ, но и

*) Ammon, l. c. § 258, 353 и др. мѣста.

ширина его значительно больше, чѣмъ у долихоцефаловъ; поэтому отношеніе ширины къ длинѣ (черепной показатель) оказывается брахи- или мезо-цефалическимъ. Объ этихъ „эврицефалахъ“ Лапужъ, Вольтманъ и проч. говорятъ глухо и торопливо—не поясняя, что это: раса? „подраса“? уклонная форма? аномалія? индивидуальный случай?—и понятно: если приналежъ на эту категорію, то она грозитъ испортить все ученіе. Въ самомъ дѣлѣ, или черепной показатель, *отношеніе* ширины черепа къ длинѣ, есть дѣйствительно признакъ расы, и въ такомъ случаѣ эврицефалы не принадлежатъ къ этой расѣ; или онъ не имѣетъ значенія расоваго признака, и въ такомъ случаѣ всѣ соображенія, построенныя на опредѣленіи черепного показателя, теряютъ почву.

Какъ видимъ, изслѣдованія, на которыхъ политическіе антропологи думаютъ основать мнѣніе о творческой роли арійской расы въ современной Европѣ, представляютъ опору шаткую, съ изъянами, и если указываютъ на что-нибудь, то лишь на благопріятное вліяніе смѣшенія расъ, противъ котораго ополчаются политическіе антропологи.

Посмотримъ теперь, что говоритъ изслѣдованіе о роли арійцевъ въ прошломъ. Какъ уже было замѣчено, въ Европѣ происходитъ постепенное вытѣсненіе длинноголовой (арійской) расы круглоголовой, т. е. высшей расы низшей. Этому, по схемѣ Лапужа, долженъ соотвѣтствовать постепенный упадокъ культуры.

Начало среднихъ вѣковъ—господство арійцевъ. „Господствующій классъ феодальной эпохи состоитъ почти исключительно изъ II. енгораеус“ (Larouge). Это, стало быть, расцвѣтъ европейской культуры. Конечно, новые господа положенія, водворившись на развалинахъ античнаго міра, восприняли его культуру и разомъ двинули ее впередъ?

Но мало-по-малу представители покоренныхъ „низшихъ“ расъ начинаютъ протискиваться въ верхніе слои общества и вытѣснять арійца. Особенно сильный приливъ круглоголовыхъ происходитъ въ XIV—XVI вѣкахъ, въ такъ называемую эпоху Возрожденія. Это критическій, поворотный

пунктъ въ борьбѣ двухъ расъ. Съ этой эпохи длинноголовый элементъ идетъ на убыль, онъ потерялъ позицію, а круглоголовые завладѣли ею; „высшая“ раса отступаетъ на задній планъ, а „низшая“ беретъ въ свои руки дѣло цивилизаціи. Очевидно, эта эпоха должна ознаменоваться сильнымъ и бросающимся въ глаза упадкомъ культуры въ ея высшихъ проявленіяхъ.

Затѣмъ вымирание длинноголоватаго элемента идетъ *sensu*. Окончательно добиваетъ его Великая Революція и вызванныя ею реформы въ европейскихъ странахъ. Во Франціи длинноголовый элементъ почти вовсе изсякъ; средний черепной показатель поднялся съ 78 (въ средніе вѣка) на 83 (современная эпоха). То же явленіе, лишь въ менѣе рѣзкой формѣ, наблюдается во всѣхъ европейскихъ странахъ. Очевидно, XIX вѣкъ долженъ былъ оказаться вѣкомъ окончательнаго упадка, застоя и косности.

Несуразность этой схемы бросается въ глаза. Дѣйствительность не только не подтверждаетъ мнѣнія политическихъ антропологовъ, но склоняетъ къ противоположному мнѣнію, которое, конечно, было бы такой же ошибкой, только въ другую сторону *): о бездарности аріійской, даровитости неаріійскихъ расъ.

Въ самомъ дѣлѣ, господство длинноголовыхъ—средневековая спячка, духовное убожество, безсиліе мысли, царство рутины, нетерпимости, изуверства.

Первый наплывъ и торжество круглоголовыхъ — возрожденіе наукъ и искусствъ, появленіе Коперниковъ, Лютеровъ, Рафаэлей, пробужденіе народовъ.

*) Оно и высказывается нѣкоторыми послѣдователями. Напр. Ис. Тэйлоръ говоритъ: „Энергія, сила воли, страсть къ приключеніямъ и битвамъ, позволившія тевтонамъ распространить свое владычество на міръ, происходятъ отъ длинноголовой расы; но умъ и геній Европы, великіе писатели, а главное—люди науки, принадлежать скорѣе къ круглоголовой расѣ, которая такъ глубоко измѣнила физическій типъ въ Германіи, Франціи, Италіи и Англіи“. (И. Тэйлоръ. Происхожденіе аріійцевъ и доисторическій человѣкъ, с. 245).

Окончательная побѣда круглоголовыхъ—великія реформы конца XVIII и XIX вв., соціальное и политическое творчество, успѣхи науки, въ одно столѣтіе сдѣлавшей больше, чѣмъ за всѣ прошлые вѣка.

Исторія-то, выходитъ, совсѣмъ не то говорить, что ей навязываютъ Аммонъ и Лапужъ. „Эвгеническіе“ элементы, арійскіе *Uebermenschen*, разрушители античнаго міра, покорители Европы,—проявили во время своего распространенія и возвышенія несомнѣнную предпримчивость, но почти исключительно по части грабежа, разбоя и убійства, обнаруживая крайнюю косность въ духовной сферѣ. Это эпоха толстыхъ череповъ и богатырскихъ мускуловъ, но маленькихъ и бесплодныхъ мозговъ. Не говоря уже о научной, философской, эстетической дѣятельности, эта „*Kriegerische Adel*“ и въ политической сферѣ изобрѣла только феодальный режимъ, т. е. режимъ оформленнаго разбоя и узаконеннаго беззаконія. Къ ней примѣняются слова Гейне объ Атта Троллѣ: „*Kein Talent, doch ein Charakter!*“ Самъ Лапужъ чувствуетъ это, и у него вырывается замѣчаніе, въ сущности, уничтожающее историческія теоріи антропологін: „Историческое превосходство расы зависить не столько отъ интеллекта, сколько отъ характера“.

Напротивъ, вытѣсняющіе ихъ „низшіе“ элементы, брахицефалы, какъ будто приносятъ съ собой талантъ и творчество въ высшихъ сферахъ человѣческой дѣятельности.

Конечно, этотъ ходъ прогресса объясняется условіями развитія культуры помимо всякой борьбы расъ. Но онъ, по-видимому, указываетъ также на благопріятное вліяніе *смѣшенія расъ*, которое постепенно усиливается въ исторіи Европы. „Вытѣсненіе“ арійской расы круглоголовыми—не только вытѣсненіе; оно сопровождается также все усиливающимся смѣшеніемъ обѣихъ расъ. И именно изъ смѣшанныхъ слоевъ населенія вышло Возрожденіе и дальнѣйшіе успѣхи европейской культуры. Высшая, хранившая „чистоту крови“, длинноголовая аристократія оставалась вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпкоголовой: въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ она дала

очень мало—даровитѣйшіе представители науки, искусства и литературы въ Европѣ выходили главнымъ образомъ изъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества,—а въ политическомъ и социальномъ творчествѣ играла отрицательную роль, ставясь поперекъ дороги всякимъ реформамъ. Замѣтимъ, мимоходомъ, что Кромвель былъ альпійской расы, Мирабо, Демуленъ, Робеспьеръ, Дантонъ, Маратъ, по Лапужу и Амону, тоже метисы съ преобладаніемъ признаковъ круглоголоваго типа.

Итакъ, судя по историческому ходу развитія культуры, чистыя расы даютъ меньше даровитыхъ людей, чѣмъ смѣшанныя; конечно, это различіе только относительное и далеко не всеобщее *).

То же говорить и исторія прошлыхъ культуръ, поскольку она что-нибудь говоритъ въ этомъ направленіи. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ размышленія о творческой роли арійцевъ въ древнихъ культурахъ—египетской, семитической и проч.—основываются на такихъ скудныхъ, сомнительныхъ или ничего не говорящихъ данныхъ, что ихъ приходится отбросить безъ долгихъ разговоровъ **).

Античныя культуры даютъ болѣе солидныя данныя. Мы находимъ тамъ Спарту—чистый типъ арійцевъ. „Это, безспорно, изъ арійцевъ арійцы въ древней Греціи... чистѣйшіе представители греческой расы, какою она была въ эпоху своего водворенія“ (Лапужъ). Ничѣмъ себя не ознаменовавшей въ области высшихъ проявленій интеллекта, этотъ на-

*) Чрезвычайно смѣшанное населеніе современной Греціи, Испаніи, Персіи и др. не богато талантами. Это липпій разъ показываетъ, что опредѣленный интеллектуальный или моральный типъ не совпадаетъ съ опредѣленнымъ соматическимъ типомъ. Смѣшеніе расъ является лишь однимъ изъ благоприятныхъ моментовъ для усиленія даровитости, который, однако, можетъ пересиливаться другими моментами.

**) Скорѣе въ качествѣ курьеза упомянемъ, что политическіе антропологи приписываютъ арійскому элементу и монгольское нашествіе. Судя по описанію Рубруквиса, Чингисъ-Ханъ былъ дѣйствительно типичный аріецъ. Но странный примѣръ для доказательства высшихъ свойствъ арійской расы!

родецъ прошелъ бы безслѣдно въ исторіи человѣчества, если-бъ его болѣе даровитые сосѣди не сохранили о немъ память для будущихъ вѣковъ. Въ области отвлеченнаго мышленія, философіи, науки и искусства спартіаты не создали ничего, въ политической и соціальной сферѣ придумали государство-казарму, въ технику изобрѣли похлебку изъ свиной крови, да и ея рецептъ утерять. Это опять-таки „Kein Talent, doch ein Charakter“, „душа болѣе военная, нежели гражданская“, какъ выражается исправникъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“; и примѣромъ спартацевъ можно бы было воспользоваться для доказательства бездарности аріійской расы, если-бъ не было другихъ примѣровъ, доказывающихъ противоположное.

Въ противоположность спартацамъ, аѳиняне и іонійцы—давшіе великихъ мыслителей, поэтовъ, ученыхъ классической Греціи—представляли смѣшанную расу, въ которой почти исчезъ гомеровскій (аріійскій) типъ, уцѣлѣвшій только въ Лакедемонѣ.

Сравненіе современныхъ націй тоже не говоритъ въ пользу даровитости аріійца. Въ Америкѣ 20% длинноголовыхъ, во Франціи 4%: принимая въ расчетъ количество населенія, найдемъ въ Америкѣ слишкомъ вдесятеро больше аріійцевъ, чѣмъ во Франціи. Если-бъ существовала хоть относительная разниа (въ смыслѣ большаго количества талантовъ) въ пользу аріійцевъ, во сколько бы разъ Америка превосходила Францію въ высшихъ проявленіяхъ культуры! А что мы видимъ на дѣлѣ? Какое можетъ быть сравненіе между Франціей, давшей столько гениевъ науки, литературы, искусства, политическаго и соціальнаго творчества, и Америкой, которая въ высшихъ сферахъ духовной работы до сихъ поръ еще отнюдь не отличилась. Единственный, въ полномъ смыслѣ слова гениальный (по совершенной оригинальности и самостоятельности) писатель Америки, Эдгаръ По, какъ разъ не аріецъ (черноволосый, черпоглазый). Въ Скандинавіи 25%, въ Италіи только 2% аріійцевъ, но развѣ Скапдинавія превосходитъ Италію силой духовнаго творчества? Зато въ

Англіи 25% арійцевъ, и въ отношеніи заслугъ на поприщѣ духовной культуры она стоитъ наряду съ Франціей и Германіей. Словомъ, *никакого соотношенія* между количествомъ арійскаго элемента въ составѣ націи и даровитостью этой націи не обнаруживается.

Исслѣдованіе расовой принадлежности выдающихся дѣятелей также не говоритъ о превосходствѣ арійской расы. Если признать арійскую расу даровитой, а неарійскія бездарными, то придется вычеркнуть изъ исторіи европейской культуры въ качествѣ „бездарностей“, напр., Шекспира, Гёте, Бетховена, Данте, Пушкина, Микель-Анджело, Лермонтова, Рафаэля, Канта *)... Вообще, обиліе смѣшанныхъ типовъ среди выдающихся людей давно привело къ предположенію, что смѣшеніе расъ является благопріятнымъ моментомъ для интеллектуальной дѣятельности. Какъ мы видѣли, это предположеніе подтверждается и многими другими данными. Не можетъ его опровергнуть и недавнее исслѣдованіе Вольтмана **), который, на основаніи портретовъ, бюстовъ и сохранившихся въ біографіяхъ свѣдѣній о наружности знаменитыхъ людей Италіи, старается доказать, что Возрожденіе въ Италіи создано представителями арійской расы ***). При всѣхъ натяжкахъ ему, однако, приходится исключить изъ арійской расы такихъ дѣятелей, какъ Данте, Рафаэль, Микель-Анджело и др. Но и изъ тѣхъ, кого онъ причисляетъ къ арійцамъ (около 85% исслѣдованныхъ случаевъ), огромное большинство правильнѣе было бы отнести къ смѣшанной расѣ. Напримѣръ, черные или темные волосы—признакъ не арійскій—оказались не въ 15, а почти въ 50% исслѣдован-

*) Черепной показатель Канта—88: типичнаго брахицефала (Вольтманъ ошибочно причисляетъ его къ длинноголовымъ).

**) *L. Woltmann. Die Germanen und die Renaissance in Italien*, Leipzig, 1905.

***) „Германской“, какъ называютъ ее нѣмцы, не безъ шовинизма, совершенно неумѣстнаго, такъ какъ въ составѣ современнаго населенія Германіи эта раса представлена слабѣе, чѣмъ, напр., въ Англіи или Америкѣ.—Въ Италіи господствующій типъ—средиземноморская раса (*Homo mediterraneus*): смуглый долихоцефаль.

ныхъ случаевъ. Вообще, самое качество матеріала, принуждающее въ большинствѣ случаевъ ограничиваться однимъ какимъ-нибудь признакомъ, даетъ чрезвычайно шаткое основаніе для выводовъ. Типичныхъ арійцевъ (напр., Леонардо да Винчи) изслѣдованіе врядъ ли укажетъ больше, чѣмъ типичныхъ неарійцевъ (напр., Данте: малаго роста, смуглый, съ черными волосами).

Я не буду вдаваться въ детали спора о благотворномъ или вредномъ вліяніи расовой „панмиксіи“, т. е. смѣшенія расъ. Слишкомъ много данныхъ говоритъ въ пользу первого, т. е. благотворнаго вліянія смѣшенія. Мы уже видѣли, что если разница въ отношеніи прогрессивности и интеллигентности между городскимъ и деревенскимъ населеніемъ свидѣтельствуетъ о различной *даровитости* этихъ населеній (а не просто о вліяніи условій, возбуждающихъ или, наоборотъ, усыпляющихъ интеллектъ), то она говоритъ въ пользу смѣшенія расъ, такъ какъ городское населеніе отличается отъ деревенскаго, какъ сильно смѣшанное отъ болѣе „чистаго“.

Съ другой стороны, въ мнѣніяхъ противниковъ смѣшенія расъ царятъ такой сумбуръ, путаница и противорѣчія, что разбирать ихъ подробно было бы слишкомъ неблагодарной работой. Въ сущности, здѣсь каждый сочиняетъ такое мнѣніе, какое требуется для его соображеній по части поощренія однихъ, ущемленія другихъ расъ. Лапужъ, напримѣръ, какъ послѣдовательный сторонникъ теоріи „благородныхъ“ и „неблагородныхъ“ расъ считаетъ — на основаніи двухъ-трехъ, частью невѣрныхъ, показаній, безусловно вреднымъ всякое смѣшеніе. Это послѣдовательно: вѣдь если благородная раса смѣшается съ неблагородной, то, очевидно, ея благородство убавится.

Вольтманъ, болѣе внимательный къ фактамъ, признаетъ полезное „благораживающее“ смѣшеніе не слишкомъ далекихъ расъ. Повидимому, такимъ является скрещиваніе между бѣлыми расами, тогда какъ скрещиваніе между бѣлыми и цвѣтными вредно. Однако-жъ, такіе продукты скре-

пчиванія далеко отстоящихъ расъ (негритянской и бѣлой), какъ Пушкинъ (окторонъ), Дюма-отецъ (мулатъ), Дюма-сынъ (квартиронъ), показываютъ, что и это смѣшеніе даетъ хорошіе результаты, и заставляютъ думать, что если бы прекратилось нелѣпное отчужденіе между неграми и бѣлыми въ Америкѣ и замѣнилось свободнымъ смѣшеніемъ между тѣми и другими, это оказало бы только благотворное дѣйствіе на развитіе націи.

Впрочемъ, Вольтманъ довольно глухо и неясно говоритъ о своемъ „облагораживающемъ скрещиваніи“, впадая въ рѣзкія противорѣчія. Такъ, на стр. 116 его „Политической Антропологии“ мы узнаемъ, что скрещиваніе аріійца съ альпійской и средиземноморской расами гибельно; а на стр. 271 находимъ, что скрещиваніе германцевъ съ римлянами (т. е. аріійцевъ съ средиземноморской расой), эллиновъ съ іонійцами (т. е. аріійцевъ съ альпійской и средиземноморской расами), современные смѣшенія расъ въ Англіи и Америкѣ (аріійцы×альпійцы×средиземноморская)—все это хорошія, „облагораживающія“ скрещиванія; тогда какъ немного дальше, на стр. 274, снова оказывается, что „смѣшеніе“ германской расы съ средиземноморской и альпійской должно быть въ общемъ разсматриваемо, какъ вредное“.

Авторъ какъ будто чувствуетъ, что если развить, какъ слѣдуетъ, мысль объ „облагораживающемъ скрещиваніи“, то пожалуй, и отъ теоріи благородной „германской“ (аріійской) расы нечего не останется. Если этой благородной расѣ лучше исчезнуть, смѣшавшись съ другими, не столь благородными, расами, то куда жъ тогда дѣнется теорія... и всѣ соображенія о „германизмѣ“, „пангерманизмѣ“ и проч.?

Также путается и Аммонъ, у котораго смѣшеніе расъ оказывается, „вообще говоря“, вреднымъ, но можетъ оказаться и полезнымъ (*Natürl. Ausl.*, § 396, 270 и 291, 302 и др.). И любопытно то, что мнѣніе о вредномъ влияніи смѣшенія расъ—теоретическое, основанное на предвзятомъ рѣшеніи и подтверждаемое ничего не доказывающими отзывами путешественниковъ о недостаткахъ метисовъ и мулатовъ (недо-

статки эти могутъ вполнѣ объясняться соціальнымъ положеніемъ цвѣтныхъ между двухъ огней: темныя отвергаютъ, бѣлыя не признаютъ; да и отзывы не единодушны: Миддендорфъ, напр., хорошо отзывается о мулатахъ, Дарвинъ о метисахъ); тогда какъ къ признанію полезныхъ результатовъ скрещиванія авторъ, вопреки своимъ теоріямъ, приведенъ фактическими данными собственныхъ изслѣдованій. Именно, антропологическія изысканія надъ учениками гимназій показали ему, что ученики старшихъ классовъ представляютъ болѣе смѣшанный типъ, чѣмъ ученики младшихъ классовъ; т. е. какъ будто бы представители болѣе „чистыхъ“ расъ не дотягиваютъ ученія до конца, а уходятъ, убоясь бездны премудрости; до конца же, и затѣмъ въ высшія учебныя заведенія, идутъ главнымъ образомъ представители смѣшанныхъ расъ.

Вообще, данныхъ о вредѣ смѣшенія расъ такъ мало (правильнѣе сказать, они отсутствуютъ, такъ какъ бѣглыя наблюденія туристовъ и путешественниковъ нельзя считать „данными“), тогда какъ данныя въ пользу благотворнаго вліянія скрещиванія такъ многочисленны, что сторонникамъ превосходства „чистой расы“ ничего другого и не остается, какъ путаться въ противорѣчіяхъ.

III.

Я надѣюсь, что изъ предыдущаго изложенія, при всей его сжатости, читатель вынесъ достаточно ясное представленіе о солидности всей этой постройки ученія о „благородныхъ“ (точнѣе „благородной“, такъ какъ въ качествѣ таковой фигурируетъ собственно одна раса: арійская, она же „индоевропейская“, „германская“, „индогерманская“) и „неблагородныхъ“ расахъ. Если даже мы посмотримъ сквозь пальцы на всѣ пробѣлы, недостатокъ данныхъ, сомнительные пункты, вродѣ „эврицефаловъ“ или „облагораживающаго скрещиванія“, которые, если ихъ развитъ, подры-

вають всю теорію,—если мы признаемъ доказательность тѣхъ данныхъ, на которыя опирается теорія политическихъ антропологовъ,—то при внимательномъ къ нимъ отношеніи придемъ къ заключенію, что они говорятъ *противъ* теоріи, что изъ нихъ можно извлечь развѣ одно заключеніе: въ пользу *смиттениа* расъ.

Мы бы могли и покончить на этомъ, но, можетъ быть, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о томъ ложномъ представленіи, которое, какъ мы уже замѣтили въ вступительной главѣ, часто превращаетъ усилія антропологовъ въ погоню за блуждающимъ огонькомъ, за призракомъ, вѣчно ускользающимъ, никогда не дающимся въ руки. Пока антропологъ описываетъ соматическіе признаки расъ, дѣло идетъ гладко: описываются опредѣленные признаки, даются точные диагнозы etc., но какъ только авторъ переходитъ къ попыткамъ уловить и описать психологическій типъ расы, дѣло изъ рукъ валится, типъ не дается въ руки, вмѣсто него полукатаются безсодержательныя общія фразы, притомъ съ такими противорѣчіями и оговорками, которыя уничтожаютъ и то немногое, что можно выудить изъ этихъ общихъ фразъ.

Къ такимъ результатамъ приводитъ стремленіе отождествлять опредѣленный соматическій типъ съ опредѣленнымъ моральнымъ и интеллектуальнымъ типомъ, т. е. по соматическимъ признакамъ опредѣлять признаки психическіе.

Когда мы говоримъ: черная кожа — *расовый* признакъ негровъ,—это значитъ, что нѣтъ ни одного негра съ бѣлой кожей (оставляя въ сторонѣ патологическіе случаи); если жъ таковой окажется, онъ-метисъ, продуктъ скрещиванія негритянской и бѣлой расы. И точно такъ же когда намъ говорятъ: мужество есть *расовый* признакъ арійцевъ,—это значитъ, что нѣтъ ни одного арійца трусливаго, и каждый аріецъ мужественнѣе любого представителя всякой другой расы. Только такой смыслъ и могутъ имѣть термины „расовый“, „видовой“ etc., при правильномъ ихъ пониманіи. Разумѣется, на такой точкѣ зрѣнія не могутъ устоять самые ярые сторонники теоріи благородныхъ расъ. Она слишкомъ нелѣпа, слиш-

комъ наглядно опровергается на каждомъ шагу повседневымъ наблюденіемъ. Тѣмъ не менѣе, она сидитъ въ сознаніи, и какой-нибудь ничтожный пасквильантъ типа Дрюмона, Дюринга и К^о спесиво твердитъ: „мы, аріійцы“,—какъ будто это обстоятельство серьезно поднимаетъ его ничтожество выше величія Данта, Спинозы, Маркса.

Но, можетъ быть, можно говорить объ *относительномъ* превосходствѣ тѣхъ или другихъ расъ, въ томъ же смыслѣ, какъ мы говорили объ *относительномъ* превосходствѣ помѣсей: повидимому, онѣ даютъ больше даровитыхъ, выдающихся людей, чѣмъ чистыя расы.

Между бѣлыми расами — аріійцы, альпійцы, семиты и др.—не обнаруживается даже такого *относительнаго* различія. Ихъ мы должны признать равными и абсолютно и *относительно*.

Но черныя и желтыя расы? повидимому, какъ будто дѣйствительно уступаютъ въ этомъ отношеніи бѣлымъ.

Допустимъ, что это вѣрно,—какой же отсюда практическій выводъ? Что, собственно, значить положеніе объ *относительной* бездарности черныхъ и желтыхъ расъ? Что они соотвѣтствуютъ среднимъ и низшимъ (въ смыслѣ даровитости) людямъ бѣлыхъ расъ, не заключая въ своемъ составѣ элементовъ, равныхъ отборнымъ представителямъ послѣднихъ? Что они дали *пока* Букеровъ-Вашингтоновъ или Китазато, а не Шекспировъ, Дарвиновъ, Рафаэлей? Но если это достаточный мотивъ для мѣръ устраненія и изведенія, то послѣдовательность требуетъ распространить тѣ же мѣры и на соотвѣтственную часть бѣлыхъ расъ; попросту, оставить лишь избранныхъ, „сливки“, élite, а все прочее устранить. Если же это предложеніе не *пріемлемо*—чего, я думаю, не нужно доказывать—то оно *непріемлемо* и въ отношеніи всѣхъ расъ. А разъ оно *непріемлемо*, то, казалось-бы, единственнымъ средствомъ для поправки дѣла остается именно свободное смѣшеніе расъ, какъ моментъ *благопріятный* для повышенія интеллектуальныхъ способностей.

Но въ дѣйствительности *относительная* бездарность, об-

наруживаемая извѣстными *народами*, врядъ ли имѣть связь съ расами. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ народы, погруженные въ спячку, повидимому оскудѣвшіе людьми моральной и интеллектуальной инициативы, но какого-либо опредѣленнаго соотношенія между этимъ фактомъ и расовымъ составомъ народовъ не обнаруживается. Китай погруженъ въ спячку, Японія — той же расы — обнаруживаетъ огромную интеллектуальную энергію *), и далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи народы Индіи, Персіи, Малой Азіи, въ составъ которыхъ входятъ бѣлыя расы, и въ томъ числѣ (Индія, Персія) довольно значительная примѣсь аріійской. Въ самой Европѣ мы находимъ Испанію, Грецію, Турцію, населенныя людьми бѣлыхъ расъ, обнаруживающихъ однако, повидимому, оскудѣніе крупными талантами.

Поэтому правильнѣе говорить объ оскудѣніи даровитыми элементами извѣстныхъ *народностей*, безотносительно къ расамъ, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ политическихъ и социальныхъ условій, подъ вліяніемъ продолжительнаго социального подбора. Въ этомъ процессѣ отрицательнаго социального подбора дѣйствительно таится ключъ къ объясненію явленій мумификаціи и разложенія націи, но этой темѣ мы не будемъ развивать здѣсь, потому что она выходитъ изъ рамокъ нашей брошюры.

Во всякомъ случаѣ никакой связи между соматическими расовыми признаками и психическимъ типомъ мы установить не можемъ. Мало того, не говоря уже о расахъ въ смыслѣ современной антропологіи, расахъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ самые разнообразные и діаметрально противоположные психическіе типы, — вообще, нельзя

*) Курьезно, что Вальцъ пытается объяснить это превосходство Японіи примѣсью арійскаго элемента, который есть и въ Китаѣ, но тамъ — въ Китаѣ этотъ послѣдній будто бы изнемогъ въ борьбѣ съ круглоголовой массой народа. При чемъ же, однако, тутъ раса, если одинъ и тотъ же расовый элементъ можетъ такъ различно проявлять себя въ различныхъ странахъ?

установить опредѣленнаго физическаго (соматическаго) типа, соотвѣтствующаго опредѣленному психическому типу.

Это доказала, независимо отъ антропологін расъ, такъ наз. криминальная антропологія школы Ломброзо; правда, доказала отъ противнаго, пытаясь доказать совершенно противоположное.

Мы знаемъ, что извѣстныя физическіе моменты отражаются извѣстнымъ образомъ на психикѣ. Напримѣръ, смѣшеніе расъ, какъ уже упоминалось, выгодно отражается на психической дѣятельности: повидимому, сліяніе различныхъ зародышевыхъ плазмъ повышаетъ энергію нервныхъ элементовъ.

Величина мозга одинъ изъ благопріятныхъ моментовъ для интеллектуальной дѣятельности. *Средній вѣсъ* мозговъ знаменитыхъ людей (нѣсколько десятковъ, которые удалось взвѣсить или вычислить по объему черепа) выше средняго вѣса мозга европейца; но, напримѣръ, вѣсъ мозга Гамбетты и Лейбница оказался значительно ниже средняго, а самый тяжелый изъ извѣстныхъ мозговъ принадлежалъ полуидіоту.

Кромѣ такихъ грубыхъ соотношеній, не всегда улавливаемыхъ даже при помощи метода среднихъ величинъ, мы ничего не можемъ установить въ отношеніи связи физическихъ свойствъ съ психическими.

Школа Ломброзо постаралась зайти дальше, установивъ физическій типъ „прирожденнаго преступника“, но ея попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Общій результатъ ея работы оказался отрицательнымъ. Физическіе признаки, характеризующіе будто бы опредѣленный психическій типъ — дальтонизмъ, косоглазіе, различныя асимметріи и проч. — имѣютъ лишь самое относительное значеніе, если вообще имѣютъ какое-либо. Характерно, что самое названіе одного изъ этихъ признаковъ „преступныхъ расъ“ происходитъ отъ имени геніальнаго ученаго (Дальтонъ), одного изъ творцовъ современной химіи. Вообще, обладатель этихъ признаковъ можетъ быть человѣкомъ высокаго моральнаго и

интеллектуальнаго типа; а отъявленный и прирожденный негодяй можетъ оказаться совершенно лишеннымъ ихъ.

Установленіе опредѣленнаго физическаго типа, соотвѣствующаго опредѣленному психическому типу, оказалось невозможнымъ и, повидимому, недоступно нашимъ методамъ изслѣдованія. Психическія свойства связаны съ тонкими особенностями структуры нервныхъ элементовъ, не обнаруживающимися внѣшне замѣтными признаками (мы не касаемся, конечно, патологическихъ случаевъ, вродѣ малоголовыхъ, которые сюда и не относятся). Хотя и увѣряетъ народная поговорка, будто „Богъ шельму мѣтитъ“, но этихъ отмѣтивъ не удалось уловить криминальной антропологіи. Легче и вѣрнѣе угадывается психика по выраженію лица, глазъ, улыбки и проч. (что тоже отмѣчено изреченіемъ о лицѣ, какъ о „зеркалѣ души“), но этотъ признакъ не поддается характеристикѣ и описанію.

Сопоставляя отрицательные результаты криминальной антропологіи съ безплодными попытками антропологіи расъ, мы тѣмъ рѣшительнѣе приходимъ къ заключенію, что для дальнѣйшихъ успѣховъ антропологіи, ей нужно отдѣлаться отъ погони за признаками, отъ поисковъ „благородныхъ“ и „неблагородныхъ“ расъ, отъ стремленія установить несуществующую связь между соматическими и психическими типами.